

24 МАЯ 1940г.

Вырезка из газеты
Москва

Сказка в Новом ТЮЗ

Два сказочных спектакля показал в Москве Ленинградский Новый ТЮЗ — «Снежную королеву» Евг. Шварца по мотивам Андерсена и «Сказки Пушкина» — о царе Салтане и о мертвой царевне и семи богатырях.

«Снежную королеву» — вдохновенную, поэтичную андерсеновскую сказку о горячем, любящем человеческом сердце, превратил в пьесу талантливый ленинградский драматург Евг. Шварц.

Он сумел это сделать тонко и бережно, хотя и вмесался в авторский текст, и даже в образе Сказочника ввел в сказку самого ее автора, Андерсена, часто ставя его в положение равного по отношению к созданным им самим персонажам. Одним — Герде и Кею — Сказочник приходит на помощь в трудную минуту, с другими — злой Снежной королевой, Советником, Королем, разбойниками — он энергично борется за победу горячего сердца.

Здесь острота драматургического приема, это взаимопроникновение сказки в действительность, фантастики в реальность неизбежно диктуют и театру очень тонкое, очень вдумчивое обращение с театральным-условным, художественно очень хрупким материалом.

Ленинградский Новый ТЮЗ обошелся со «Снежной королевой» недостаточно бережно. Он не сохранил нам всего аромата андерсеновских роз и притушил жар горячего сердца Герды.

Это случилось уже в первой сцене, когда мы увидели в исполнении А. Красинковой Герду широколицей, краснощекой резвухой, слишком земной, чтобы мчаться в ледяное царство на сказочном говорящем олене. На завтра мы встретили эту милую упитанную девочку в корячем платье гимназистки в «Голубом и розовом». — и там, в актовом зале женской гимназии, среди школьных подруг, она жила правдивой, настоящей жизнью. Вот это был ее настоящий мир, и в нем она чувствовала себя превосходно, и мы верили каждому ее слову.

Слишком земные, бытовые пятна слышались и в речах Сказочника — П. Кадочникова. Когда в напряженный момент, обращаясь к зрителю, он говорит: «Все еще, может быть, кончится ничего себе, честное слово», — он произносит эти слова не как многозначительный намек, а так, будто он — рядовой зритель и в антракте гадательно беседует с нами о вероятном финале неизвестной ему пьесы.

Чопорный, злой Советник, полагающий, что все в мире покупается и продается, ненавидит детей. В ответ на проявления всякого живого чувства, всякого движения души, он резко кричит односложное «взор». У него высохший, лысый, словно восковой череп. Свои сухие злобные сентенции он изрекает по пунктам: «А» — то-то и то-то; «В» — то-то и то-то; «С» — то-то и то-то.

Такого Советника — и его превосходно играет Ф. М. Никитин — не могут испугать дети: это противоречит логике образа, его боятся дети. Но когда он впервые появляется в домике Герды и Кея, а они думают, что это вошла их бабушка, и в шутку пытаются испугать ее, Советник сам пугается и в ужасе сражается от детей на другой конец сцены.

Вот это приземление крылатой мечты,

обывление фантастики часто ощущается в «Снежной королеве», как поставили ее в Новом ТЮЗ Б. В. Зон. Поэтому и актерские удачи спектакля — а их немало — воспринимаются лишь как отдельные удачи, как яхонты рассыпанного ожерелья.

Блистательна, например, сама Снежная королева. У актрисы Е. Деливрон нашлись и удивительная внешняя аристократичность и вместе с тем умение дать почувствовать за обаятельным обликом злобную холодность коварной властительницы ледяного царства.

Очень интересную атаманшу разбойников — добрую матрону, хозяйку — показала О. Белл.

Своеобразный дуэт составили маленькая разбойница (Е. Уварова) и принцесса Эльза (А. Тимофеева). Обе они борются в сказке на стороне Герды и Кея, но оружие их различно и различны актерские приемы. У маленькой разбойницы — грозное, воинственное позвякивание шпорами и очаровательная грубость, с помощью которой маскируются жалость и участие. «Сядьте, родная, иначе я всех перестреляю из пистолета», — кричит она бабушке, плачущей об исчезнувших внуках. У принцессы Эльзы — острые коготки и капризный виаз — оружие, перед которым отец-король мгновенно капитулирует. Какой острый, резкий рисунок роли у Тимофеевой!

□

К пушкинским сказкам (постановка Б. В. Зона, режиссер В. П. Чеснаков) Новый ТЮЗ подошел гораздо тоньше.

Театр ничего не меняет в великолепной певучей пушкинской строфе, ничего не добавляет к ней, чтобы ее «инсценировать». Он попросту читает Пушкина.

И тогда персонажи сказок естественно говорят о себе со сцены в третьем лице. «В те поры война была: Царь Салтан, о женой простоя, на добра-коня сядяся...» — заявляет сам Салтан и садится на деревянного коня-палочку.

Или князь Гвидон, обратившись в шмеля — а для этого достаточно ему укрыться черным плащом и посадить на руку огромного бутафорского шмеля — и ужалив повяриху, сам сообщает зрителю: «А шмель в окошко, да спокойно в свой удел через море полетел», и, обжав сцену, возвращается в свой «удел», — тут же за спинкой царского трона.

Так рождается очаровательная театральная удобность актерской игры и ей соответствует очаровательное условное оформление спектакля. И художник Е. Якунина проявила здесь гораздо больше выдумки, грации и щедрости.

«Ветер по морю гуляет и кораблик подгоняет; он бежит себе в волнах на поднятых парусах...» — и из кулис, мерно покачиваясь, выплывает расписной корабль с прочно приделанными к килю ленистыми синими волнами. А плывет корабль потому, что выносят его сами «корабелышки». И ритм морской качки создан их ритмической поступью: два шага вперед, шаг назад.

Можно бы подумать, что тонкая, чуть хроничная условность этого спектакля останется непонятной юному зрителю, требующему реальной всамделишности.

Но, видимо, если взрослого зрителя чарует в этом спектакле начало эстетическое — грациозность, тонкий вкус, изящество творческой выдумки, то ребятам в нем кроме того бесконечно близок и дорог элемент откровенной игры, увлекательной и красочной игры.

Трудно выделить кого-либо из исполнителей этого своеобразного, во многом экспериментального спектакля. Некоторые из них появляются на сцене лишь на минуту-другую, но каждый вносит свою долю творчества в это красочное, праздничное, музыкальное, поэтическое представление. Это все те же одаренные молодые актеры — П. Кадочников, играющий попеременно четыре различные роли, А. Тимофеева — царевна-Лебедь, Е. Деливрон — «мертвая» царевна, Н. Замятина — «злая пария» и Г. Славская — ее удивительный двойник «Зеркальце» и многие другие участники очень слаженного ансамбля, с высокой культурой движения, с тонким чувством сценической детали и умением чутко улавливать слово и жест партнера.

Это богатство, рассыпанное было в «Снежной королеве», здесь, в пушкинском спектакле, оказалось вновь связанным единой творческой нитью и засияло, заблестало, как подлинная драгоценность.

Д. КАЛЫМ

«Голубое и розовое» А. Бруштейн в Ленинградском Новом ТЮЗ. На снимке: заслуженная артистка РСФСР Е. А. Уварова в роли «Мопси»